

СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ СИЛЬВИИ ПЛАТ «TULIPS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Екатерина Витальевна Барина

к.филол.н., доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики,
Нижний Новгород

603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12.

kbarinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>

Дата поступления: 14.03.2023

Творчество Сильвии Плат, за исключением романа «Под стеклянным колпаком», не так хорошо известно российскому читателю, и в этой связи переиздание собрания стихотворений поэтессы в русском переводе – событие чрезвычайно важное. В статье сопоставляются оригинальный текст стихотворения «Тюльпаны» и перевод Василия Бетаки, опубликованный к книге «Собрание стихотворений». Рассматриваемый перевод – очередной пример плодотворного «сотрудничества» поэта и переводчика, имеющий как свои удачи, так и неизбежные потери. Утрачивая сжатость и лаконичность оригинала, перевод отчасти приближает стихотворение к русской поэтической традиции, делая его понятнее русскоязычному читателю.

Ключевые слова: поэзия Сильвии Плат, «Тюльпаны», перевод на русский язык, «голос».

Имя Сильвии Плат, американской поэтессы и писательницы, широко известно за рубежом. Несмотря на то, что активный творческий период в жизни Плат продолжался не более 10 лет, из-под ее пера вышли многочисленные стихотворения, а также прозаические произведения и дневниковые записи, которые также имеют неоспоримую художественную ценность, поражая своей образностью и оригинальным мировоззрением автора.

Российский читатель знаком с творчеством Сильвии Плат порой весьма поверхностно, иногда на уровне слухов и легенд, сложившихся вокруг имени Плат из-за ее трагической судьбы. Во многом подобный вакуум объясняется ограниченным числом переводов Плат на русский, а порой и ее непереводаемостью на другие языки. Поэтический перевод непосредственно связан с межкультурной коммуникацией, являясь, воз-

можно, наиболее сложным ее выражением. В цепи «автор – произведение – читатель» появляется дополнительное звено – «переводчик», что приводит к усложнению всей системы «литература» [Зинченко 1998: 24] и зачастую становится причиной смысловых сбоев, так как в традицию и реальность поэта «неизбежно вторгаются традиция, реальность, кругозор, а также талант, компетентность переводчика» [Волгина 2001: 262].

Основная задача поэтического перевода, как, впрочем, и вообще художественного перевода – создание текста на другом языке, максимально приближенного к тексту оригинала, «который был бы способен вступить в системные связи с иноязычной реальностью и лингвопоэтической традицией, а также со сформированным в их русле иноязычным читателем» [Волгина 2001: 262], и в случае с лирикой Сильвии Плат задача эта представляется непростой. Богатство ассоциаций, важность мгновения, ощущения, воспоминания бросают вызов переводчикам поэзии Плат на другие языки. «Не избегнуть впечатления, – пишет Е. Кассель, – что все стихи ее выдохнуты разом, одним невероятным выдохом, ...и выдох этот не оставил ей больше ничего, чем может дальше жить человек» [Кассель 2001].

Поэтические произведения Сильвии Плат были переведены на русский язык относительно недавно, что в значительной степени объясняется смысловой и ассоциативной сложностью стихов, неоднозначностью возникающих в них образов, сложностью поэтического языка Плат. Первая книга ее стихов в переводе Василия Бетаки под названием «Избранные стихи» вышла в свет только в 2000 г. В 2001 г. в 11-м номере журнала «Звезда» были опубликованы несколько стихотворений поэтессы, взятые из этой книги, с кратким предисловием Елены Кассель, в котором исследовательница, в частности, отказывается от «дневниковости» поэзии американского автора: «Плат ловит в стихи каждый свой шаг, ее поэзия по сути дневникова. Это ощущение не исчезает ни на миг, но безудержность ассоциаций уводит порой так далеко от непосредственных каждодневных фактов, что дневниковость становится малозаметной» [Кассель 2001]. Опираясь на это замечание Е. Кассель, мы также отходим от строгой автобиографичности при разборе стихотворения и его перевода, считая данный аспект важным, но не определяющим. Первое полное собрание стихотворений на русском языке было опубликовано в серии «Литературные памятники» Российской Академии наук в 2008 г. В книгу вошли 224 стихотворения, а также комментарии мужа поэтессы Теда Хьюза.

В 2017 году выходит второе издание «Собрания стихотворений» Сильвии Плат, снова в серии «Литературные памятники» (Москва, издательство «Наука»). Хотя в основу книги легло собрание стихотво-

рений, опубликованное Тедом Хьюзом под названием *Collected Poems*, обращают на себя внимание некоторые расхождения с оригиналом. Так, юношеские стихотворения Плат, написанные до 1956 года и помещенные Хьюзом в раздел *Juvinilia*, в русском издании представлены не в полном объеме, хотя именно в них закладываются многие черты уже более зрелой поэзии Сильвии Плат. В Сети можно найти ряд любительских переводов поэзии Плат на русский язык, а все опубликованные переводы, вошедшие в перечисленные выше сборники, выполнены В. Бетаки.

В данной статье рассматривается перевод на русский язык стихотворения «Тюльпаны» («*Tulips*»), написанного Сильвией Плат в 1961 году, после операции по удалению аппендикса. Стихотворение это представляет интерес по ряду причин. Так, это одно из самых ранних произведений, включенных самой Плат в состав «Ариэль» – сборник в основном поздних стихотворений, над которым Плат работала последние два года. Принято говорить об особом звучании поэзии Плат, «голосе» «Ариэля» – оригинальной, самобытной поэзии, к которой поэтесса приходит в финале творчества. Но уже в 1961 году этот «голос» заявляет о себе. При этом, если учитывать замечание Фриды Хьюз о том, что «к концу 1961 года стихотворения, написанные в манере [voice] «Ариэля» начинают появляться то тут, то там среди переходных стихотворений» [Hughes 2004: x], стихотворение «Тюльпаны», написанное 16 марта, следует отнести именно к переходным (имеется в виду изменение, совершенствование стиля поэтессы по сравнению с предыдущим сборником «Колосс», опубликованным в 1960 году и оставшимся единственным прижизненным сборником Плат). Итак, перед нами одно из первых стихотворений, обеспечивших Сильвии Плат важное место в поэзии XX в.

Обратимся к текстам оригинала и перевода. Расхождение на лексическом уровне возникает уже в первой строке. Сильвия Плат описывает ощущение, создаваемое тюльпанами в больничной палате, словом «excitable», которое в переводе превращается в «тревожный» [Плат 2017: 153]. При этом «excitable» означает, скорее, «волнующий, возбуждающий», вызывающий нервное, эмоциональное возбуждение [The Oxford Dictionary and Thesaurus 1997: 513], не вполне сводящееся к ощущению тревоги. Переводчик, вероятно, исходит из широкого контекста стихотворения, в котором тюльпаны действительно стремятся лишить героиню ее покоя, граничащего со смертью; через красоту цветов в палату врывается жизнь со всеми ее волнениями и тревогами. Этот момент может иметь достаточно прозаическое объясне-

ние – в русском языке отсутствует аналог, сохраняющий все оттенки значения слова «excitable».

На этом расхождении в переводе первой строфы не заканчиваются. В оригинале лирическая героиня ощущает себя частью палаты, ее близны и безжизненности, сливаясь с окружающей ее обстановкой: «I am learning peacefulness, lying by myself quietly // As the light lies on these white walls, this bed, these hands. // I am nobody <...>» [Plath 1981: 160]. В русском тексте ситуация в корне меняется, лирическая героиня противопоставляет себя окружающей обстановке, подчёркивает свою отдельность, обособленность: «Лежу тут одна, обучаюсь внутреннему покою, и сама – // Никто... Как бел этот свет на стенах, где нет обоев, // Только белая краска...Так вот и у меня // Ничего общего с внешним миром. И руки, и память – все белое <...>» [Плат 2017: 154]. При этом в переводе возникает вывод, логика которого не вполне ясна: «Так вот и у меня...». Вероятно, речь идет о белизне, хотя, на мой взгляд, образность в переводе гораздо туманнее, чем в оригинале. Разрушаются четкость и лаконичность текста Плат: некоторые моменты (например, кровать), в переводе вообще исчезают, тогда как другие – стены палаты – описываются с нехарактерным для стиля стихотворения многословием, не говоря уже о появляющихся непонятно откуда отсутствующих обоях, гораздо менее популярных в Англии вообще и уж абсолютно неуместных в больничной палате. Напрашивается вывод, что вольности перевода в данном случае ничего не добавляют к пониманию оригинала, но разрушают плотную ткань стихотворения Плат, лишённого ненужной многословности. Известно, что Плат очень внимательно относилась к каждому слову, писала свои зрелые стихотворения со словарями, в том числе со словарем синонимов, подбирая наиболее точные и емкие варианты, и ничего лишнего в ее текстах быть не может.

В конце первой строфы переводчик заменяет абсолютно бытовую деталь – сообщение анестезиологу всех подробностей об образе жизни и истории заболеваний пациента, его истории («history») – на нечто более туманное, философское, более свойственное именно русской поэзии: «Анестезисту – прошлое» [Плат 2017: 154]. Стандартная процедура общения с анестезиологом, известная каждому, кто хоть раз побывал на операционном столе, приобретает оттенок чуть ли не исповеди (возможно, причина здесь в исповедальности поэзии Сильвии Плат, превратившейся в своеобразное клише). Таким образом, в переводе первой строфы возникают мотивы памяти и прошлого, имеющие значительную смысловую нагрузку и отсутствующие в оригинале. Поэтический текст Плат гораздо более приземленный, лишённый какой-либо метафизической нагрузки, но при этом емкий и цельный.

Во второй строфе, где медсестры уподобляются чайкам, в переводе эта околomorphicкая метафора разворачивается, и лирическая героиня замечает: «Мое тело для них – только камушек, обтекаемый водой» [Плат 2017: 154]. В оригинале данные размышления об отношении медсестер к пациентке возникают только в третьей строфе. Эта деталь представляется достаточно важной, так как все стихотворение развивается как постепенное возвращение лирической героини к жизни, в реальность, и еще на миг раньше мы видим мир в восприятии лирической героини, но не героиню глазами мира. Она слишком отрешена для того, чтобы ставить себя за место возможных наблюдателей ее тела на больничной койке. Она приходит к подобным размышлениям медленно и последовательно, тогда как в переводе развитие событий несколько ускоряется. Перенесение метафоры из третьей строфы во вторую вновь приводит к излишней многословности и несвойственному стилю Плат проговариванию, объяснению метафоры. При этом в переводе возникает своеобразные мостик, логически связывающий вторую строфу с третьей и обеспечивающий преемственность образности.

Несмотря на некоторые переносы и разрыв строф оригинала, перевод центральной части стихотворения отличается достаточно точным следованием образности и стилю английского первоисточника, порой напоминая подстрочник.

В финале стихотворения вновь возникают расхождения между оригиналом и переводом, влияющие на возможные интерпретации заключительных строк. Так, у Плат, при всей неоднозначности финала, можно проследить развитие от холода, ассоциирующегося с зимой и снегом, к теплу; есть надежда на возвращение героини к жизни, несмотря на то что здоровье все еще далеко, как экзотическая Африканская страна от палаты в английском госпитале. У Плат последняя строфа открывается такими словами: «The walls, also, seem to be warming themselves» [Plath 1981: 162]. Образ «отогревающихся» стен контрастирует с «зимой» в первой строфе и дает надежду на положительную динамику, выражаясь в медицинских терминах. В русском переводе любая надежда на положительный исход исчезает: «Кажется, что стены // Тоже раскаляются, все красней и красней» [Плат 2017: 155]. Вместо тепла возникает картина адского пекла. При этом не совсем ясна логика союза «тоже», так как ранее в стихотворении нет образов, связанных с высокой температурой. Нарушается в переводе и кольцевая композиция, так как изменяющие температуру стены в переводе оказываются в предпоследней строфе, утрачивая сильную позицию финала.

Любопытно также сопоставить синтаксис оригинала и перевода. Сразу обращают на себя многоточия, которые встречаются в русском

тексте 11 раз, тогда как в английском варианте этот знак отсутствует. Многоточия придают тексту некоторую задумчивость, недосказанность, порой неопределенность и нерешительность, отсутствующие в оригинале. Возможно, переводчик находится под влиянием русской женской поэзии, в частности, стихотворений Цветаевой, которая часто прибегала к многоточию. При этом использование многоточия в «Тюльпанах» можно оправдать содержанием стихотворения – лирическая героиня в послеоперационный период может испытывать психологическое напряжение и определенные затруднения при формулировании мыслей.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что русские переводы произведений Сильвии Плат представляют огромный интерес как для ценителей творчества поэтессы, так и для исследователей. Расхождение в тексте оригинала и перевода часто несут концептуальный характер. Перевод – ни в коем случае не искажение, а интерпретация, переосмысление оригинала, а во многом и новое, самостоятельное произведение, несущее в себе традицию и индивидуальность переводчика, что мы и наблюдаем в переводе рассматриваемого стихотворения. Перевод стихотворения Сильвии Плат «Тюльпаны» В. Бетаки – очередной пример плодотворного «сотрудничества» поэта и переводчика, имеющий как свои удачи, так и неизбежные потери. Утрачивая сжатость и лаконичность оригинала, перевод отчасти приближает стихотворение к русской поэтической традиции, делая его понятнее русскоязычному читателю.

Список литературы

Волгина А.С. Автопереводы Иосифа Бродского в свете коммуникативного подхода // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. Н. Новгород: Деком, 2001. С. 262–267.

Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Киризе З.И. Система «литература» и методы ее изучения. Монография. Нижний Новгород: Нижегородск. Лингв. ун-т, 1998. 207 с.

Кассель Е. Вступительная заметка / С. Плат. Стихи. Перевод с английского Василия Бетаки // «Звезда», 2001, № 11. С. 141–144.

Плат С. Собрание стихотворений в редакции Теда Хьюза. Москва: Наука, 2017. 412 с.

Hughes F. Foreword // Ariel. The restored Edition. L.: Faber and Faber, 2004. P. ix-xvii.

Plath S. Collected Poems. Ed. Ted Hughes. New York: Harper and Row, Publishers, 1981. 351 p.

The Oxford Dictionary and Thesaurus. Oxford, Melbourne: Oxford University Press, 1997. 1892 p.

SPECIFICITY OF TRANSLATION OF SYLVIA PLATH'S POEM "TULIPS" INTO RUSSIAN

Ekaterina V. Barinova

Candidate of Philology, associate professor of Department of Literature and Intercultural Communication

National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya str., 25/12.

kbarinova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9678-3086>

Submitted 14.03.2023

Sylvia Plath's oeuvre, with the exception of the novel *The Bell Jar*, is not so well known to the Russian reader, and in this regard, the republication of the collection of her poems in Russian translations is an extremely important event. The article compares the original text of the poem "Tulips" and its translation by Vasily Betaki, published in the Russian edition of Plath's *Collected Poems*. This translation is an example of fruitful "cooperation" between the poet and the translator, which has both its own merits and inevitable losses. Losing the precision and conciseness of the original, the translation partly brings the poem closer to the Russian poetic tradition, making it clearer to the Russian-speaking reader.

Key words: Sylvia Plath's poetry, «Tulips», translation into Russian, «voice».

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баринова Е.В. Своеобразие перевода стихотворения Сильвии Плат «Tulips» на русский язык // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. № 16 (22). С. 63–69. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-63-69

Please cite this article in English as:

Barinova E.V. Svoeobrazie perevoda stihotvoreniya Sil'vii Plat «Tulips» na russkij yazyk [Specificity of Translation of Sylvia Plath's Poem "Tulips" into Russian]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 16 (22), pp. 63–69. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-63-69